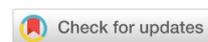

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82-1/-9

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-932-943>

Шифр научной специальности 5.9.1

В. Пелевин и Д. Кроненберг: точки пересечения отечественного и западного постмодернизма

Екатерина Вадимовна Шерчалова¹ , Елена Сергеевна Тулушева²

¹ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

105066, Российская Федерация, г. Москва, Новая Басманная ул., 35, стр. 1

²ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

 e.kabir777@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. И Виктор Пелевин, и Дэвид Кроненберг – состоявшиеся мастера своего жанра. Как бы критически не отзывались рецензенты об их творчестве, канадский режиссёр пользуется титулом короля биологического хоррора, а отечественного постмодерниста неоднократно называли одним из самых популярных писателей современной русской литературы, и оба деятеля искусств уже давно обрели преданных почитателей. В 2015 г. Д. Кроненберг дебютировал с романом «Употреблено», что позволяет сопоставить художественные миры известных творцов в литературной плоскости. Несмотря на то, что, на первый взгляд, В. Пелевин и Д. Кроненберг не имеют ничего общего, детальное исследование обнажает художественные принципы, типичные для обоих писателей. Целью исследования выбран поиск сходств и общих идейно-эстетических решений, характерных для отечественного и западного постмодернизма. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В качестве эмпирической базы привлечены большая проза В. Пелевина (выбраны произведения, опубликованные с 1996 по 2023 г.) и роман Д. Кроненберга «Употреблено». Были задействованы структурный, мотивный и компаративный методы анализа. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Сделан акцент на фабуляции и поэтике инобытия, а также на осмыслении капитализма как культурно-экономической основы современного мира и критики общества потребления как признаков постмодернизма. Отдельное внимание уделено изучению образа действующего героя, среди отличительных черт которого – соответствующие топографической организации текста мозаичность, фрагментарность и лиминальность. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Анализ отразил схожие художественные решения, в том числе мотивы и топографическую организацию в творчестве Пелевина и Кроненберга-писателя, позволяющие говорить о точках сближения и общности отечественного и западного современного литературного постмодернизма.

Ключевые слова: художественная концепция, авторский метод, постмодернизм как литературное направление, отечественный и западный постмодернизм, В. Пелевин, Д. Кроненберг, фабуляция, инобытийный хронотоп

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шерчалова Е.В., Тулушева Е.С. В. Пелевин и Д. Кроненберг: точки пересечения отечественного и западного постмодернизма // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 932-943. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-932-943>

V. Pelevin and D. Cronenberg: points of intersection of domestic and Western postmodernism

Ekaterina V. Sherchalova¹ , Elena S. Tulusheva²

¹A.S. Griboyedov Moscow University

1 bldg, 35 Novaya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russian Federation

²National Research University "Higher School of Economics"

20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

 e.kabir777@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. Both Victor Pelevin and David Cronenberg are accomplished masters of their genre. No matter how critically reviewers respond to their work, the Canadian director enjoys the title of the king of biological horror, and the domestic postmodernist has repeatedly been called one of the most popular writers of modern Russian literature, and both artists have long found devoted admirers. In 2015, D. Cronenberg debuted with the novel "Consumed", which allows us to compare the artistic worlds of famous creators in the literary plane. Despite the fact that, at first glance, V. Pelevin and D. Cronenberg have nothing in common, a detailed study reveals artistic principles typical of both writers. The purpose of the study is to search for similarities and common ideological and aesthetic solutions characteristic of domestic and Western postmodernism. **MATERIALS AND METHODS.** The empirical base is the great prose of V. Pelevin (works published from 1996 to 2023) and the novel by D. Cronenberg "Consumed". Structural, motive and comparative methods of analysis were used. **RESULTS AND DISCUSSION.** The emphasis is on the fabulation and poetics of otherness, as well as on the understanding of capitalism as a cultural and economic basis of the modern world and criticism of consumer society as signs of postmodernism. Special attention is paid to the study of the image of the protagonist, whose distinctive features include mosaicism, fragmentation and liminality, corresponding to the topographic organization of the text. **CONCLUSION.** The analysis reflected similar artistic solutions, including motives and topographic organization in the works of Pelevin and Cronenberg the writer, allowing us to talk about points of convergence and commonality of Russian and Western contemporary literary postmodernism.

Keywords: artistic conception, author's method, postmodernism as a literary trend, domestic and western postmodernism, V. Pelevin, D. Cronenberg, fabulation, otherworldly chronotope

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Sherchalova, E.V., & Tulusheva, E.S. V. Pelevin and D. Cronenberg: points of intersection of domestic and Western postmodernism. *Neofilologiya = Neophilology*, 2024;10(4):932-943. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-932-943>

ВВЕДЕНИЕ

Интерес научного сообщества к творчеству В. Пелевина не утихает уже который год. Однако, несмотря на пристальное внимание исследователей к творчеству писателя, вопрос о жанровых, мотивных и в целом – художественных стратегиях остаётся открытым.

Работы режиссёра и сценариста Д. Кроненберга, одного из крупнейших представителей современного независимого американ-

ского кино, рассматриваются исключительно в рамках кинодискурса, в то время как и его художественный роман – «Употреблено» («Consumed», 2015) – любопытен в литературоведческом ключе. Его фильмография почти всегда определяется в границах постмодернизма, однако своеобразие его художественного текста ещё не рассмотрено. Более того, сопоставление художественных методов В. Пелевина и Д. Кроненберга ранее не осуществлялось, поэтому поиск точек пере-

сечения как в творчестве, так и шире – в литературных направлениях и авторских методах – представляется актуальным, востребованным и свежим.

В статье также определены некоторые художественные принципы, базисные для романа Д. Кроненберга «Употреблено» (2015), что обуславливает новизну полученных результатов. Целью исследования выступает определение схожих художественных инструментов, композиционных, топографических и иных решений, характерных для отечественного и западного постмодернизма. Обращение к широкому исследовательскому материалу позволяет дополнительно определить типичные для В. Пелевина приёмы, что выступает потенциальным доказательством определения пелевинского текста как свёрхтекста.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Представлены результаты сопоставительного анализа романа Д. Кроненберга с художественным миром В. Пелевина. В качестве примеров привлекаются избранные отрывки из романов «Священная книга оборотня» (2004; упоминаются главные герои лиса А и волк-оборотень Александр), «Empire V» (2006; упоминается главный герой Рама), «Любовь к трём цукербринам» (2014; упоминается главный герой Кеша), «iPhuck 10» (упоминаются Жанна, Мара, Порфирий Петрович), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018; упоминаются главные герои Федя и Таня), «Непобедимое солнце» (2020; упоминаются героиня-рассказчица Саша, Фрэнк, Наоми), «Путешествие в Элевсин» (2023) (упоминается герой-рассказчик Порфирий Петрович)¹. Использована комплексная методология, включающая структурный, мотивный и компаративный методы анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К определению ключевых черт постмодернистского метода и художественной концепции. Анализ творческого метода

¹ В дальнейшем персонажи упоминаются без указания произведения.

В. Пелевина, в частности, номинация его как писателя-постмодерниста, пусть и с определёнными оговорками, ранее уже осуществлялась неоднократно (например, в диссертациях И.В. Каленовой, М.В. Репиной и мн. др.), в то время как роман Д. Кроненберга исследован не так тщательно. Так, в отечественном литературоведении внимание на произведение обратил только Д.С. Шалагинов². В основном, фокус смещён на кинематографические работы режиссёра (в исследованиях А.П. Люсого, Т.В. Крувко, А.Ю. Чукурова, О.Н. Гурова и др.). Впрочем, художественный текст Кроненберга без труда укладывается на постмодернистское «прокрустово ложе»: среди его характерных черт назовём деконструкцию, нелинейный мозаичный хронотоп, субъективное повествование, фрагментарный сюжет, ризоматичные структуры, интертекстуальность, гротеск и абсурд.

Как в романе, так и в кинокартинах отчётливо воплощается постмодернистский взгляд на телесность со свойственной ему симулятивностью и многозначностью. Человеческое тело как идейный компонент философии Кроненберга-режиссёра – нестабильное, страдающее и нуждающееся в технологическом апгрейде, который «...подарит человечеству избавление от боли и страданий, болезней, наконец, наделив его бессмертием» [1, с. 263]. Техногуманистическая антиутопическая идея отчётливо звучит и в новейшем творчестве В. Пелевина: в трилогии «Transhumanism.Inc» акцентируется внимание на технологических приспособлениях и разделении тела и мозга, то есть разума. Несмотря на то, что Пелевин выбирает иной тон повествования, для обоих авторов очевиден вопрос осмысления телесного и человеческого в эпоху технократии.

Роман Д. Кроненберга отличается и жанровым синкретизмом: произведение начинается как детектив (журналистка Наоми, которая архетипически ближе к рассказчику, чем

² Шалагинов Д.С. Энтомология – это гуманизм: рецензия на книгу Дилана Тригга о феноменологии ужаса // Филомофия. Журнал высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 3. С. 249-261. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2018-II-3-249-261>, <https://elibrary.ru/ymcwbfb>

к главному герою, расследует жестокое убийство), после трансформируется в размеренную драму с иным, более спокойным тоном повествования.

Пародийный и формальный характер жанровых канонов быстро становится очевидным. Перенасыщенное жестокостью, антиэстетизмом и технофетишизмом начало перетекает в философскую исповедь интеллектуала Аристида Аростеги, который предположительно жестоко убил свою жену и расчленил её тело. История завершается постмодернистской деконструкцией и хаосом, в чём принципиальное отличие романа от текстов В. Пелевина, в финале которого нередко – создание нового мира («Непобедимое солнце») или монументальное Ничто («Священная книга оборотня», «Чапаев и Пустота»). История представляет собой лоскутное полотно, фрагментарность которого подчёркивается отсутствием единого художественного пространства, разобщённости героев и ориентацию на отказ от метанарратива как постмодернистской практики [2].

Также Д. Кроненберг широко использует приём фабуляции – вымышленное сочетается с реальным: персонажи на протяжении всей истории называют известных философов (Сартр, Вебер, Беккет и пр.) и ссылаются на их труды. При этом упоминаются и вымышленные научные исследования, к примеру, работы самих супругов Аростеги (эссе Аристида «Анатомия совершенного объекта» и эссе Селестины «Разумное уничтожение культа насекомых»). Упоминаются действительно существующие модели технических устройств и программных обеспечений. Но при этом журнал, для которого пишет Наоми, «Сартр», выдуман автором.

Среди физиологических болезней, упомянутых в тексте, отметим вымышленную болезнь Ройфе, которой заражается журналист Натан, второй герой-рассказчик. При этом один из героев, велосипедист Эрве Блумквист, страдает от реального недуга – болезни Пейрони. Молодой человек рассказывает Наоми, что от этого заболевания страдает Лэнс Армстронг – реальная фигура, профессиональный шоссейный велогонщик, многократный победитель велогонки «Тур де

Франс». В действительности спортсмен победил рак, в открытых источниках о его заболевании Пейрони не упоминается, из чего можно сделать вывод, что Кроненберг намеренно допускает ошибку, сочетая реальность с художественным вымыслом и конструируя сновидческий, но при этом убедительный нарратив. Фабуляция становится одним из инструментов размытия границы между художественным вымыслом и реальностью, что характерно для постмодернизма как культурного явления в целом [3, с. 18].

В целом, автор наделяет персонажей множеством реально существующих психических, психологических и физиологических недугов: рак, дисморфобия, синдром нарушения целостности восприятия собственного тела и пр. Физиологические детали приближают роман к жанру боди-хоррора – традиционной формы повествования для Кроненберга-режиссёра: к примеру, в сцене, знакомящей читателя с одним из героев, Натаном, подробно описывается операция груди. Медицинские подробности, позволяющие детально и объективно представить происходящее, перемежаются с субъективным – эротизированным – взглядом героя.

В целом, выбор профессии рассказчиков (журналистка и фотограф) не случайны. Оба героя субъективно – и как индивиды, и как представители своих профессий – репрезентируют ненастоящую реальность, создавая симулякр, копию, имитирующую жизнь.

Д. Кроненберга – не только как писателя, но и как кинорежиссёра и сценариста – волнует вопрос сексуальности и границ телесности, сопряжённый с вопросом человеческого познания, что порождает одну из главных дихотомий его творчества: культурно-антропоцентрический мир противопоставляется миру естественному, не обременённому технократическим безумством [4, с. 31].

В. Пелевин также сочетает реальное и вымышленное: так, его мифология частично комбинирует узнаваемые сюжеты из мифологий народов мира [5, с. 12], а реальные исторические лица вводятся в повествование наравне с вымышленными героями. Пелевин активно использует фабуляцию, сочетая прототипы с вымышленными образами и трак-

туя факты неординарно, подчас неожиданно. В романе «iPhuck 10» описываются, но при этом не называются акции реального художника-акциониста П. Павленского «Фиксация» (2013) и «Отделение» (2014). Сам художник упоминается ранее под своим настоящим именем, однако некоторые приписываемые ему акции выдуманы автором, например, «...антитрамповская акция “Pussy Grab#3”...»³.

Пелевинские герои так же, как и персонажи Кроненберга, оперируют и реальными, и вымышленными научными и литературными трудами. Так, в «iPhuck 10», помимо текстов, которые создаёт повествователь – литературно-полицейский алгоритм «Порфирий» (сам роман и кинокритика), также упоминается несуществующая книга гуру Соула Резника «Разумен ли разум».

В структуру пелевинского повествования включены в том числе и многочисленные аллюзии, среди которых обнаруживаем отсылки к литературным произведениям. В качестве референсов к фильму про выдуманного философа Жан-Люка Бейонда (Beyond, англ. – за, после), выступающему гротескной реминисценцией трагедии Жана-Доминика Боби и его автобиографической книги «Скафандр и бабочка» (1997) на ономастическом и нарративном уровнях, названы действительные труды М. Хайдеггера «Время и бытие» и Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто».

Также в первой рецензии Порфирий упоминает роман М. Уэльбека «Soumission» (фр.), но при этом для соответствия художественному нарративу название переводит как «Подчинение», а не «Покорность», что было бы более привычно русскоязычному читателю. Рецензия написана на фильм «Resistance», который также, согласно сюжету, снят Порфирием. История рассказывает о съёмках реального фильма «Вечное возвращение» (реж. Ж. Деланна, 1943 г.). В рецензии приводятся действительные имена актёров и действующих в картине персонажей, исторические факты (к примеру, пылкие романтические отношения Кокто и Маре).

³ Пелевин В.О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2019. С. 203.

В романе «Путешествие в Элевсин», среди прочего, приводится рецензия на книгу П. Лукина «Душа-ветерок». В тексте смешаны реальные факты и авторский вымысел: упоминаются концепция планетаризма, авторы которой также называются верно – Дж. Лавлок и Л. Маргулис, писатель У. Голдинг («...повелитель мух и детских сердец...»⁴), действительно друживший с Лавлоком. Однако ни у одного настоящего Павла Лукина – а история знает как минимум двоих: историка, исследователя Древней Руси, и отечественного писателя-фантаста XIX века – нет книги с таким названием.

В «римской части» романа, то есть в тех отрывках, где сюжет повествует о деяниях императора Порфирия, неоднократно упоминается Гегесий – киренийский философ (290 г. до н. э.) – вдохновитель и кумир императора. Концепция философа излагается верно. Однако трактат «Да, смерть», с которым знакомится главный герой, выдуман автором или представляет собой достаточно свободный перевод: согласно сохранившимся источникам, Гегесий написал книгу «ἀλοκαρτερόν» (греч. – церковь Христова; также распространён перевод «Смерть от голода»).

Сочетание факта и фикции создаёт псевдодокументальную прозу и вовлекает читателя, которому предстоит отделить правду от вымысла, в постмодернистскую игру. Г.В. Заломкина приходит к выводу, анализируя роман «Искусство лёгких касаний», что фабуляция как художественный приём позволяет осмыслить мировую историю [6, с. 404] – именно с этой целью автор привлекает фактологическую базу, а не следует исключительно за собственной фантазией.

Об этом свидетельствуют и наши наблюдения. Постмодернист не просто использует «метод так называемого минса», как сказано в рецензии Порфирия, то есть не просто произвольно перемешивает реальные факты и вымысел. В нарративе, построенном на реминисценциях, отчётливо прослеживается отношение автора к предмету повествования.

⁴ Пелевин В.О. Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2024. С. 207.

Для творчества В. Пелевина характерно смешение стилей и сочетание светлых возвышенных переживаний, которые испытывают персонажи, с низменным плотским: так, в романе «Тайные виды на гору Фудзи» описание инициации завершается ремаркой о рвоте главной героини. Однако здесь Пелевин жанрово расходится с Д. Кроненбергом, так как творчество отечественного постмодерниста нельзя назвать боди-хоррором. Несомненно, признаки трансгрессивной литературы присутствуют, что можно рассматривать в контексте постмодернистской иронии и деконструкции⁵.

Критика общества потребления как один из доминирующих мотивов. Очевидна и схожесть проблематики В. Пелевина и Д. Кроненберга, а именно – исследование общества потребления в художественной литературе. Анализируя кинокартину «Преступления будущего» (реж. Д. Кроненберг, 2022), О.Н. Гуров говорит об «избыточном и развращённом потреблении», которому подвержены герои [4, с. 29].

Текст романа «Употреблено» перенасыщен упоминаниями брендов, в особенности, технических, которые создают образ идеального современного человека, для которого потребление становится основой жизненного уклада и философии: «...страсть к определённым брендам – вот на чём замешана эмоциональная близость в парах»⁶. Такая гиперфиксация и скрупулёзное внимание к деталям напоминает роман Б.И. Эллиса «Американский психопат» [7].

Мотив потребления как доминирующий вынесен в название: обратим внимание, что использовано краткое причастие «употреблено», то есть не активный глагол, а признак, характеристика и вместе с тем – пассивный залог, подразумевающий отсутствие деятеля. То есть «употреблению» подлежат не только объекты физического мира, например, техника, но и субъекты – люди, что напоминает

⁵ Этот вопрос частично рассмотрен в диссертации автора статьи: *Шерчалова Е.В.* Художественный мир позднего В.О. Пелевина (2000–2010-е годы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2023. С. 132.

⁶ *Кроненберг Д.* Употреблено. М.: АСТ, Corpus, 2015. С. 16.

философские взгляды Ж. Бодрийяра, называющего потребление основой современных социальных отношений⁷.

Консюмеризм в значении «культ потребления» у Д. Кроненберга предполагает не просто понимание потребления и приобретения материальных благ как ключевой ценности современного человека. Потребление – это владение, захват и присвоение чужого [8, с. 187].

Скорость, динамичность и продуктивность выступают ключевыми характеристиками капиталистического мира в художественной вселенной Д. Кроненберга, а аутсайдером – лишним, не приспособленным к современности человеком – становится тот, кто не успевает за постоянно меняющимися реалиями. Традиционно консюмеризм воспринимают как часть или черту капиталистического дискурса, однако любопытное определение характера взаимодействия явления и социально-экономической системы в романе «Употреблено» даёт А. Кечик: исследователь видит в сюжетной линии Аростеги идею о понимании консюмеризма как силы, способной преодолеть несовершенство капитализма, «способность исчерпывать этот мир, забирать из него необходимое» [8, с. 193].

Мотив поглощения сопрягается у Кроненберга с мотивом телесности через культ тела, гипертрофированную эротику и навязчивую, сюрреалистичную идею Селестины Аростеги о необходимости отнять грудь, так как там поселились насекомые, а также имитацией поглощения самой героини – очевидно ритуального. Более того, эпизод задваивается: в финале одна из второстепенных героинь воспроизводит ритуал с куклой, изображающей Селестину. Это доказывает искусственность действия: женщина в действительности не умерла, а перешла в иной мир, о чём мы скажем далее.

Ритуал – сексуализированное жертвоприношение через каннибализм, отрицающий культуру и цивилизацию, – был необходим для осуществления этого перехода: поглощённая Селестина воскресла «там», в

⁷ *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 384 с. <https://elibrary.ru/qwmwqtb>

ином мире, то есть в Северной Корее, что иллюстрирует размышления Е.В. Тараненко, исследующей структуру сюжета о поедании в современной культуре. Филолог в заключении резюмирует: «Образы каннибализма в культуре XX века, некогда ужасающие и эпатажные, сегодня, превратившись в китчевые, ширпотребные, становятся обыденными и привычными. И если они были задуманы своими создателями как способ встряски общественного сознания, то, возможно, это было довольно опасное по своим свойствам средство, которое само стало со смехом доедать и разжевывать остатки культуры»⁸.

Потребление в творчестве Кроненберга – с одной стороны, разрушительно, если ему следовать. А с другой – представляется инициатическим испытанием: отказ от западного изобилия, то есть капиталистического материального мира, и принятие аскезы позволяет совершить переход в иную реальность, воплощённую в образе Северной Кореи, так что мы склонны согласиться с А. Кечиком.

Для Д. Кроненберга вовсе не свойственна ирония и сарказм, что в избытке обнаруживаем в творчестве В. Пелевина. Несмотря на то, что В. Пелевин также обращается к критике общества потребления, он использует другой подход – а именно высмеивание. Например, автор намеренно допускает ошибку в термине, упрощённо называя «консюмеризм» «консумеризмом». Для него потребление – западно-капиталистическое зло, а не кроненберговский путь к преодолению несовершенств капитализма.

Физическая привлекательность в пелевинских сюжетах становится конверсивной, будучи «разменной монетой» на рынке социальных взаимодействий. Мотив потребления – сквозной в творчестве Пелевина.

Стремление к наживе, показанное в романе «iPhuck 10», также отлично иллюстрирует отношение автора к доминанте потребления: по сюжету, группа айти-специалистов создаёт алгоритм – Жанну, которая испытывает боль и страдание, являю-

щиеся топливом для создания предметов искусства. Созданные им (или ей, если мы понимаем Жанну как личность, а не как алгоритм) артефакты герои продают, не заботясь о моральной стороне вопроса.

С. Жижек указывает на очевидную границу доминирования консьюмеризма как составляющего капитализма – физические ограничения. Невозможно бесконечно производить и потреблять товары, это приведёт к экологической катастрофе. Однако виртуальная реальность снимает это затруднение: производство виртуального нематериального продукта требует финансовых вложений со стороны покупателя, но приобретённый товар не нуждается в дополнительном для него месте. «Виртуальная реальность переживается как реальность, не будучи таковой...» – говорит философ⁹. Н.А. Царёва говорит о возникновении самостоятельного «виртуального государства», вырабатывающего собственные аксиологические установки, нормы и культуру [9, с. 159]. Экспансия виртуального потребления оказывается неограниченной. Более того, потребление становится избыточным и навязчивым: для иллюстрации обратимся к некоторым эпизодам романа «Любовь к трём цукербринам».

В канву повествования вплетены отсылки к социальным сетям, художественная история репрезентирует типичные паттерны поведения «онлайн-жителя» (демонстративное потребление, например). В. Пелевин отдельно останавливается на механизме работы рекламы, в частности, контекстной, которая реагирует на ключевые мысли, а не поисковые запросы: «Лицо сестрички закрыл трёхмерный поп-ап. <...> Яхта пронеслась мимо, море стало меркнуть, и перед Кешей зажглась огромная надпись... <...> Поп-ап начал наконец растворяться... <...>. Теперь главное было случайно не кивнуть, и Кеша замер, как питон в джунглях.

Говорили, по сговору с продавцами техническая служба специально так настраивает датчики шейного клика, что они распознают мельчайшее движение шеи как кивок, доста-

⁸ Тараненко Е.А. Актуализация мифологического сюжета поедания в современной литературе // Вестник Нижегородского государственного университета. 2008. № 4. С. 59-66. <https://elibrary.ru/oxwuaz>

⁹ Жижек С. Виртуальный капитализм // Чубакка. URL: https://chewbakka.com/brains/virtual_capital (дата обращения: 29.07.2024).

точный для покупки. <...> *Все дешёвое и доступное. Потому что не настоящее*¹⁰.

Эпизод с шампанским повторяется несколько раз, и наконец реклама побеждает: «Перед глазами возник квадратный поп-ап.

Кеша увидел перед собой огромный бокал, в котором отражалась сидящая за арфой девушка в легчайшем белом платье, трогательно юная и чистая. <...> Кеша *сокрушённо* уронил подбородок, и тут же ощутил во рту кисло-сладкое бульканье»¹¹.

Итак, мы видим, что тематическая близость столь разных авторов отражает, с одной стороны, их беспокойство относительно проблемы избыточного, всепроникающего потребления, а с другой – принадлежность к постмодернизму, для которого эта проблема и мотив являются базисным.

Инобытийный хронотоп. Топографическая картина мира в художественной вселенной Пелевина отчётливо трехчастна и состоит из реального мира, следующего физическим законам, виртуального мира и лиминальной реальности, сосредоточия божеств и чудесного, где возможно нарушение привычного миропорядка; и пространства по ту сторону опыта, принципиально не описываемое, где физические законы вовсе не существуют.

Пространственная организация романа Д. Кроненберга двоична и состоит из мозаичной реальности. Герои в основном действуют в несвязных персонифицированных локациях – номер отеля, к примеру, или дом Ройфе: «Натан стоял перед домом, который Наоми обозвала *фальшивым* шато... <...> Замок Ройфе оказался не одиноким: в глазах у Натана рябило от облицованных *искусственным* камнем фасадов, усечённых башенок, крытых медным листом, сланцевых крыш. ... Комната была обставлена в классическом стиле, опять же в духе викторианской фантазии на тему французского шато, и это усиливало общее впечатление *бутафории* – словно дом купили вместе с мебелью, кото-

рую риелторы расставили в нём для *декорации*, и больше здесь ничего не трогали»¹². Фрагментарность мира порождает мёртвых, искусственных и неискренних персонажей: в романе в большей степени описываются, но не мысли и чувства героев, что приводит к разрушению телесности и личности.

И у Пелевина встречаются такие обезличенные пространства: квартира покойного вампира Браммы, которую он получает в наследство, так и не становится для него домом, а Саша большую часть романа находится в разъездах.

Впрочем, имея доступ к корпусу пелевинских текстов, мы получаем в распоряжение количественно больше примеров, нежели почерпнутых из романа «Употреблено», поэтому видим и персонализированные места, к примеру, личные покои Фёдора. Но в действительности, и квартира Тани, и даже – ассоциативно – жилище лисы А – это пространства, воплощающие либо культурный стереотип, либо миф: у Феди комната перенасыщена предметами патриархального искусства. Убранством занимался дизайнер, а не сам герой, что роднит его с домом Ройфе, а Таня получает квартиру в порядок от любовника. Помещение, где живёт лиса А, с одной стороны, модернизирует классическое жилище мифологической кичунэ – то есть кладбище. С другой стороны, как указывает Д.С. Гудин при исследовании особенностей топоса кладбища в прозе Е. Водолазкина, определяет, среди прочего, его интермедальную функцию [10, с. 109-110], что также справедливо и для пелевинского спациума: лиса А находится и действует на границе мира живых и иного мира.

Мы уже упоминали в статье Корею как пространство инобытия в романе Д. Кроненберга. Остановимся подробнее. Северная Корея – это иной мир, нереальность, мир инобытия, аскетичный и идеальный, непознаваемый технократичный рай.

С. Жижек, рассуждая о свойственной современному капиталистическому миру виртуальности, говорит о парадоксальной организации пространства: реальность лишается

¹⁰ Пелевин В.О. Любовь к трём цукербринам. М.: Эксмо, 2014. С. 77. Курсив здесь и далее наш. – Е. Ш., Е. Т.

¹¹ Пелевин В.О. Любовь к трём цукербринам. С. 132.

¹² Кроненберг Д. Употреблено. С. 211.

реального, теряет свою субстанцию, что выступает в роли «каркаса <...> киберкапитализма» и инструмента преодоления несовершенного капиталистического уклада современности¹³. Северную Корею, очевидно антикапиталистичную по своей природе, можно назвать, с одной стороны, виртуальной реальностью в том смысле, как о ней пишет Жижек, однако с поправкой на фрейм о конце света.

С другой стороны, Северная Корея в романе – утопична, государственный уклад, склад жизни в целом и культурные ценности которой принципиально отличаются от западного мира, в котором развиваются основные события. Азиатская страна представляет собой относительно позитивный «сценарий развития современного общества», о котором пишет А.П. Фоменко [11].

Обратимся к сюжету романа Д. Кроненберга, чтобы проследить, как именно герои совершают переход из реальности в иной мир. Условия для всех едины: для перехода требуется качественное изменение, необходимо перестать быть человеком, то есть умереть.

Первым в хронологическом порядке «умирает» возлюбленный Селестины, режиссёр Ромм Вертегаал, который появляется только в эпилоге романа – в диалоге с Эрве. Главным доказательством ирреальности Кореи служит как раз этот финальный разговор – наивысшая точка деконструкции всего романа: «Ромм в окошке скайпа открыл рот, хотел что-то сказать, но внезапно *завис, замер, как компьютерная картинка, а потом осыпался дождём сверкающих пикселей*. После многозначительной паузы окошко скайпа тоже схлопнулось, и на мгновение посреди вихревой туманности Андромеды, изображённой на стандартных обоях рабочего стола операционной системы Mac OS X (кодовое имя “Лев”), образовалась квадратная чёрная дыра. <...> Тупо уставившийся в очередную чёрную дыру, возникшую во Вселенной, Эрве почувствовал себя младенцем, которому жестоко обрезали пуповину, и даже *усомнил-*

*ся на мгновение, что говорил с настоящим Роммом Вертегаалом»*¹⁴.

Вторым умершим становится Селестина Аростеги, чья смерть становится завязкой всей истории. Впоследствии коллективный акт каннибализма оказывается фикцией, а фотографии, а также якобы расчлennённое тело – симулякром. В финале упоминается, что женщина в действительности не умерла, а тоже уехала в Корею («...Селестина мертва. / – Нет-нет. Она с Роммом в Пхеньяне»¹⁵). Следом умирают Аристид Аростеги и Наоми, при этом тело философа загадочным образом пропадает.

Вертегаал так и не возвращается обратно, из чего мы можем сделать вывод, что путешествие «на ту сторону» – билет в один конец. Читателю предстоит самому сделать вывод, символическую или реальную кончину переживают герои.

Герои В. Пелевина также трансформируются и умирают: Александра убивают, как минимум, в социальном плане, отказываясь от него и не признавая его авторитета, соратники [12, с. 3176], Рома умирает в самом начале произведения, перерождаясь вампиром Рамой, Саша исчезает вместе с физической реальностью. Однако В. Пелевин даёт своим персонажам возможность вернуться: Александр возрождается как спаситель Нигвале Ринпоче, Рома становится богоподобным вампиром Рамой, а Саша, пусть и на краткий миг, становится Шивой, танцующим богом, создающим мир – то есть его физическую ипостась – заново.

В приведённых примерах речь идёт о символической смерти, обязательной для инициации, в то время как с персонажами Д. Кроненберга всё не так однозначно: автор предлагает читателю самостоятельно объяснить нарратив, определив для себя, действительно ли Селестина, Ромм, Аристид и Наоми умерли – или же переместились в иную реальность.

Герои В. Пелевина воспринимают недоступность иного мира человеческим органам чувств как данность, называя его «пространством по ту сторону опыта», в то время как

¹³ Жижек С. Виртуальный капитализм // Чубакка. URL: https://chewbakka.com/brains/virtual_capital (дата обращения: 29.07.2024).

¹⁴ Кроненберг Д. Употреблено. С. 416.

¹⁵ Там же. С. 381.

персонажи Д. Кроненберга рационализируют, объясняя закрытость страны и помехами в работе Skype.

Разграничить, что в пелевинском хронотопе является физической реальностью, где реальность виртуальная, а что представляет из себя знаменитая пелевинская Пустота, помимо того, что она ничем не является, иногда представляется крайне затруднительным. Более того, физический мир зачастую оказывается лингвистическим, искусственным конструктом, описанным несовершенным человеческим умом [13, с. 77].

Автор оставляет намёки, в том числе интертекстуальные, позволяющие внимательно читателю ориентироваться: так, например, основное действие истории, которую рассказывает Саша, происходит в ином мире, за «огненной рекой» – топографическим маркером инобытия [12].

В одном из эпизодов на яхте описывается убранство в ванной комнате, а именно оформления кранов: «Над одним – эмалевая ладонь с синей пилюлей, над другим – с красной»¹⁶, что является отсылкой к научно-фантастической кинокартине «Матрица», где выбор между красной и синей таблеткой для главного героя означал выбор между правдой и иллюзией. Примечательно, что героиня хочет включить красный кран, то есть выбрать красную пилюлю – правду. Но горячей воды нет, и она вынуждена воспользоваться холодной.

¹⁶ Пелевин В.О. Непобедимое солнце. М.: Эксмо, 2020. С. 243.

Саша находится в виртуальной реальности, в зазеркалье, что также подтверждается и амбивалентным финалом, в котором представлен иной исход – Наоми и Фрэнк не умирают, а всё произошедшее может истолковать то ли как события из параллельного мира, то ли как сон. Читатель пелевинского романа, так же, как и почитатель творчества Д. Кроненберга, остаётся на развилке, определяя для себя самостоятельно, чем была история – правдой или галлюцинацией.

ВЫВОДЫ

Следует оговориться, что иное пространство, хоть и представляющее интерес в переложении постмодернистской поэтики, всё же не является топографическим маркером исключительно постмодернистского текста. Так, А.В. Филатов, исследуя хронотоп поэзии О.Э. Мандельштама, поэта XX века, обнаруживает «инфернальное» пространство, инвариантом которого выступает античный Аид [14].

Исследование творчества выбранных авторов – В. Пелевина и Д. Кроненберга – отразило самобытность каждого из них. Реальный мир становится вторичным по отношению к виртуальному в творчестве обоих авторов, а критика навязчивого потребления звучит в унисон. Но при несхожести сюжетов, авторского метода и художественной структуры представленный анализ обнажил общие смысловые и мотивные узлы в художественном мире постмодернистского художественного текста – как отечественного, так и западного.

Список источников

1. Багдасарьян Н., Кравченко А. Цифровое общество и дискурсы постгуманизма // ЛОГОС. 2022. Т. 32. № 6 (151). С. 245-272. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-6-245-271>, <https://elibrary.ru/uopula>
2. Ермаков Т.К., Дегтяренко К.А., Шпак А.А. Конструирование художественных метанарративов в современной культуре: формальные и смыслообразующие аспекты // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 4. С. 681-693. <https://elibrary.ru/lqplyw>
3. Бабошко Е.Ю., Галкин Д.В., Коновалов К.В. Концептуализация современности в контексте постмодернистской рефлексии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 14-29. <https://doi.org/10.17223/22220836/49/2>, <https://elibrary.ru/pemhwo>

4. Гуров О.Н. Технологии. Телесность. Будущее: Рефлексия Д. Кроненберга в кинофильме «Преступления будущего» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 28-39. <https://doi.org/10.46726/H.2024.1.3>, <https://elibrary.ru/hogzht>
5. Борунов А.Б., Шерчалова Е.В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 8-20. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-03-01>, <https://elibrary.ru/fycgxx>
6. Заломкина Г.В. Фабуляция как способ осмысления мировой истории в романе В. Пелевина «Искусство лёгких касаний» // Гротовские чтения-2020: материалы Всерос. науч. конф. Самара, 2021. С. 395-405. <https://elibrary.ru/ovvrf>
7. Исаева М.В. Скомпрометированная образность в романе Брета Истона Эллиса «Американский психопат» // Визуальное во всем: сб. статей спецсеминара. М., 2021. Вып. 2. С. 93-96. <https://elibrary.ru/rhglmt>
8. Кечик А. Образ капитализма и консюмеризма в творчестве Дэвида Кроненберга // Кино и капитал: альманах Центра исследований экономической культуры. Москва; Санкт-Петербург: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 182-195.
9. Царёва Н.А. Процессы цифровизации в искусстве и творчестве: диалектика взаимосвязи // Проблемы музыкальной науки. 2024. № 1. С. 157-168. <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2024.1.157-168>, <https://elibrary.ru/tslyio>
10. Гудин Д.С. Топос кладбища в романах Е.Г. Водолазкина // Неофилология. 2022. Т. 8. № 1. С. 107-117. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117>, <https://elibrary.ru/cskltu>
11. Фоменко А.П. Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 58-63. <https://doi.org/10.17223/15617793/478/7>, <https://elibrary.ru/xyperu>
12. Сильчева А.Г., Шерчалова Е.В. Мифологический топос в романах В. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3174-3178. <https://doi.org/10.30853/phil20220511>, <https://elibrary.ru/hqnfph>
13. Чжан Ч. Мотив утраты «Я» в романе Виктора Пелевина «Generation ‘П’» // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 74-82. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-74-82>, <https://elibrary.ru/lqugrq>
14. Филатов А.В. Поэтика русской литературы. Поэтика инфернального пространства в поэзии О.Э. Мандельштама: философский аспект // Русская словесность. 2021. № 1. С. 82-92. <https://elibrary.ru/kvkckk>

References

1. Bagdasaryan N., Kravchenko A. The digital society and discourses of posthumanism. *Logos*, 2022, vol. 32, no. 6 (151), pp. 245-272. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-6-245-271>, <https://elibrary.ru/uopula>
2. Ermakov T.K., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The artistic meta-narratives construction in modern culture: formal and semantic aspects. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2024, vol. 17, no. 4, pp. 681-693. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lqplyw>
3. Baboshko E.Yu., Galkin D.V., Kononov K.V. Conceptualization of modernity in the context of postmodern reflection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie = Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2023, no. 49, pp. 14-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22220836/49/2>, <https://elibrary.ru/pemhwo>
4. Gurov O.N. Technologies. Corporeality. Future: reflections of D. Vronenberg in the movie “Crimes of the Future”. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Ivanovo State University Bulletin. Series: The Humanities*, 2024, no. 1, pp. 28-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.46726/H.2024.1.3>, <https://elibrary.ru/hogzht>
5. Borunov A.B., Sherchalova E.V. Author’s myth in the contemporary post - modern novel. *Filologicheskii klass = Philological Class*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 8-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-03-01>, <https://elibrary.ru/fycgxx>
6. Zalomkina G.V. Fabulation as a way of understanding world history in V. Pelevin’s novel “The Art of Light Touches”. *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Grotovskie chteniya-2020» = Proceedings of the*

- All-Russian Scientific Conference "Grotovskie Readings-2020". Samara, 2021, pp. 395-405. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/ovvrfa>
7. Isaeva M.V. Compromised Imagery in Bret Easton Ellis's American Psycho. *Sbornik statei spets-seminara «Vizual'noe vo vsem» = Proceedings of Articles from the Special Seminar "Visual in Everything". Moscow, 2021, issue 2, pp. 93-96. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/rhglmt>
 8. Kechik A. The image of capitalism and consumerism in the works of David Cronenberg. *Kino i kapital: al'manakh Tsentra issledovaniia ekonomicheskoi kul'tury*, Moscow, St. Petersburg, The Gaidar Institute Publ., 2019, pp. 182-195. (In Russ.)
 9. Tsareva N.A. The processes of digitalization in art and creativity: dialectics of interconnection. *Problemy muzykal'noi nauki = Music Scholarship*, 2024, no. 1, pp. 157-168. (In Russ.) <https://doi.org/10.56620/2782-3598.2024.1.157-168>, <https://elibrary.ru/tslyjo>
 10. Gudin D.S. Topos of cemetery in E.G. Vodolazkin's novels. *Neofilologiya = Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 107-117. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-1-107-117>, <https://elibrary.ru/cskltu>
 11. Fomenko A.P. Utopia in search of the subject, the subject in search of utopia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 478, pp. 58-63. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/15617793/478/7>, <https://elibrary.ru/xypcru>
 12. Silcheva A.G., Sherchalov E.V. Mythological topos in V. Pelevin's novels. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2022, vol. 15, no. 10, pp. 3174-3178. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220511>, <https://elibrary.ru/hqnfph>
 13. Zhang Ch. The motif of losing oneself in the novel generation "P" by Victor Pelevin. *Gumanitarnyi vector = Humanitarian Vector*, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 74-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-74-82>, <https://elibrary.ru/lqugrq>
 14. Filatov A.V. Poetics of infernal space in the poetry of O.E. Mandelstam: the philosophical aspect. *Russkaya slovesnost'*, 2021, no. 1, pp. 82-92. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kvkckk>

Информация об авторах

ШЕРЧАЛОВА Екатерина Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, коммуникаций и рекламы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-7190-1151>, e.kabir777@gmail.com

Вклад в статью: отбор первичного материала из художественных текстов для анализа, подготовка части текста статьи.

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент факультета гуманитарных наук, докторант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>, be-so-happy@yandex.ru

Вклад в статью: разработка идеи, концепции и дизайна исследования, поиск и анализ научной литературы, подготовка теоретических вставок, написание части текста статьи.

Поступила в редакцию 19.08.2024
Поступила после рецензирования 02.11.2024
Принята к публикации 28.11.2024

Information about the authors

Ekaterina V. Sherchalova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Journalism, Communications and Advertising Department, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-7190-1151>, e.kabir777@gmail.com

Contribution: selection of primary material from literary texts for analysis, part of manuscript text preparation.

Elena S. Tulusheva, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Humanities Faculty, Doctoral Candidate, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6374-4662>, be-so-happy@yandex.ru

Contribution: study idea, conception and design development, scientific literature search and analysis, theoretical inserts preparation, part of manuscript text drafting.

Received August 19, 2024
Revised November 2, 2024
Accepted November 28, 2024